II
8044

Ь. Бузескулъ,
профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета.

ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ

ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

Цѣна 40 коп.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА
П. А. Брейтигама въ Харьковѣ.
1905.

Изданія книжнаго магазина П. А. Брейтигама въ Харьковѣ.

МОРЕ И ЕГО ЖИЗНЬ.

Соч. проф. **Вальтера.**

ПОПУЛЯРНАЯ ОКЕАНОГРАФІЯ

съ [illegible] рис. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ примѣчаніями

проф. **А. Н. Краснова.**

Цѣна 1 р. 75 коп.

ДУША и ПРИРОДА.

Сочиненіе проф. **В. Я. Данилевскаго.**

2-е, дополненное и переработанное изданіе

Цѣна 1 руб.

Д-ръ РЕЙБМАЙРЪ.

ТЕХНИКА МАССАЖА и ВРАЧЕБНАЯ ГИМНАСТИКА.

съ 242 рисунками.

Переводъ съ 6-го нѣмецкаго изданія д-ра **Аршавскаго,**

съ предисловіемъ **Л. В. Орлова.**

профессора Императорскаго Харьковскаго университета

Цѣна 1 руб 75 коп.

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ АНГЛІЙСКАГО ЯЗЫКА.

Руководство къ изученію англійскаго языка

составилъ **Ю. Ферберъ,** лекторъ Императорскаго Харьковскаго университета.

Руководство это можно рекомендовать для самообученія, такъ какъ въ немъ произношеніе написано русскими буквами, оно снабжено русско-англійскимъ и англійско-русскимъ словаремъ для самыхъ важнѣйшихъ выраженій.

Цѣна вмѣсто 1 р. 20 к. только 60 к.

Гербертъ Спенсеръ

РАЗМЫШЛЕНІЯ (Reflections)

Глава изъ Автобіографіи.

Переводъ съ англійскаго Г. Г. ОРШАНСКАГО.

Цѣна 40 коп. Изданіе 1905 г.

ГИПНОТИЗМЪ,

его значеніе въ наукѣ, въ правѣ и уголовномъ судопроизводствѣ.

Сочиненіе проф. **Э. Ф. Бельтина.**

Цѣна 1 р. 50 к.

В. Бузескулъ,

профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета.

396(138)
396:138
СТАВРОПОЛЬСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ

въ

ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА
П. А. Брейтигама въ Харьковѣ.
1905.

Дозволено цензурою Москва, 23 марта 1905 г.

БИБЛИО...
КОММУНИСТ...
АКАДЕМИИ.
1179
27

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., собств. домъ.

БИБЛІОТЕКА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемый краткій, популярный очеркъ положенія женскаго вопроса въ древней Греціи представляетъ собою публичную лекцію, читанную въ пользу «Народнаго дома» въ Харьковѣ. Первоначально лекція эта была помѣщена въ юбилейномъ сборникѣ Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ: «Къ свѣту» (1904). Въ виду того интереса, съ которымъ русское общество относится вообще къ «женскому вопросу», она печатается теперь отдѣльной книжкою.

В. Б.

II
465

Въ послѣднее время въ научной литературѣ все чаще и чаще проводится мысль о существованіи близкаго сходства и аналогіи въ историческомъ развитіи древности и новаго времени (включая сюда и такъ называемое «средневѣковье»). Достаточно сослаться на такихъ историковъ, какъ Эд. Мейеръ, Пельманъ, Белохъ или какъ Брейзигъ, въ трудахъ которыхъ мысль эта высказывается болѣе или менѣе опредѣленно. По словамъ, напр., Э. Мейера, автора капитальной «Geschichte des Alterthums», въ античномъ мірѣ «преобладали, хотя на гораздо меньшемъ пространствѣ и въ иныхъ формахъ, тѣ же явленія и противоположности, которыя управляютъ и современнымъ развитіемъ». Положеніе это красною нитью проходитъ и чрезъ всѣ работы Пельмана, посвященныя древности. Брейзигъ въ своей «Kulturgeschichte der Neuzeit» задумалъ дать «сравнительную исторію развитія главныхъ народовъ Европы, ихъ соціальной и духовной жизни»; онъ настаиваетъ на *параллелизмѣ* развитія греко-римскаго и германо-романо-славянскаго міра.

Вообще теперь замѣчается стремленіе сблизить и сопоставить древность и современность, такъ сказать—*модернизовать* античную исторію [1]). Стремленіе это ведетъ иногда къ крайностямъ, къ натяжкамъ, къ старанію установить сходство даже тамъ, гдѣ его въ сущности нѣтъ и

---

1) См. мою статью въ *Русской Мысли*, 1900, февр („Характерныя черты научнаго движенія въ области греческой исторіи за послѣднее 30-лѣтіе“) и „Введеніе въ исторію Греціи“. Харьковъ, 1904 (2-е изд.), стр. 471—472, 510 сл.

гдѣ оно только кажущееся: ища сходства, сосредоточивая все свое вниманіе на моментахъ аналогичныхъ, изслѣдователь легко можетъ оставить въ сторонѣ или недостаточно оттѣнить особенности, специфически свойственныя древности и отличающія ее отъ новаго времени, упустить изъ виду характерныя черты послѣдняго. По мнѣнію, напр., одного изъ самыхъ крупныхъ представителей современнаго направленія въ области изученія греческой исторіи, Эд. Мейера, единаго непрерывнаго прогрессивнаго развитія нѣтъ; древность съ одной стороны, средніе и новые вѣка съ другой — это два параллельныхъ процесса, два параллельныхъ періода въ исторіи развитія народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря: съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается сызнова; оно опять возвращается къ тѣмъ первымъ ступенямъ, которыя уже были давно пройдены; древній міръ погибъ вслѣдствіе разложенія совершенно выработанной и по своему существу вполнѣ современной культуры, умершей естественною смертью, и средневѣковой міровой порядокъ во второй разъ сталъ господствовать. Другими словами, по этому воззрѣнію человѣчество оказывается обреченнымъ на своего рода Сизифову работу. При этомъ упускается изъ виду, во-первыхъ, то, что при всемъ параллелизмѣ и аналогіи между древностью и новымъ временемъ нѣтъ и не можетъ быть *полнаго* тождества: каждое историческое явленіе само по себѣ индивидуально; напр., въ западно-европейскомъ средневѣковьѣ наблюдаются новые черты и элементы, такіе, которыхъ нѣтъ въ античной древности, которые послѣдней совершенно чужды; и, во-вторыхъ, прошлое не исчезаетъ совершенно безслѣдно: въ наслѣдіе отъ него остается многое, что переживаетъ вѣка и вліяетъ на послѣдующее развитіе,—идеи, учрежденія, культура. Взглядъ Э. Мейера приводитъ какъ бы къ отрицанію преемственности и могущества исторической традиціи [1]).

---

[1]) Ibid.

Но совершенно отвергать существованіе аналогіи въ историческомъ развитіи древняго и новаго міра при тѣхъ данныхъ, которыми располагаетъ современная наука, никоимъ образомъ нельзя. До извѣстной степени оказывается вѣрнымъ давно уже высказанное положеніе, что многіе изъ тѣхъ жизненныхъ жгучихъ вопросовъ, которые—нерѣшенные еще и теперь—занимаютъ каждаго мыслящаго человѣка, волновали уже древній міръ: уже онъ пытался дать имъ свое посильное рѣшеніе.

Къ числу такихъ вопросовъ отчасти можетъ быть отнесенъ и *вопросъ женскій* [1]).

II.

Я не буду останавливаться на той отдаленной, темной порѣ, когда, быть можетъ, и въ Греціи господствовалъ *матріархатъ* или, какъ нѣмцы называютъ, *Mutterrecht*, о которомъ такъ много говорятъ современные соціологи. Не буду подробно касаться и *гомерической эпохи:* всѣмъ хорошо извѣстны образы Андромахи и Пенелопы. Напомню лишь нѣкоторыя черты.

Красота, разумъ, искусство въ рукодѣліи—таковы качества, которыя особенно цѣнились въ женщинѣ гомерической эпохи. Домашнее хозяйство, пряденье, тканье—вотъ ея дѣло. Прощаясь съ Андромахой, Гекторъ говоритъ:

„Лучше, вернувшись домой, ты займися тамъ собственнымъ дѣломъ,
Прялкой и ткацкимъ станкомъ—и блюди, чтобъ служанки свершали
Точно работы свои. О войнѣ жъ позаботятся мужи“.

---

[1]) *Ivo Bruns*, „Frauenemancipation in Athen. Ein Beitrag zur attischen Kulturgeschichte des V und IV Jahrhunderts“. Kiel. 1900; *Thumser*, „Die Stellung der Frau bei den Griechen“. Wien-Leipz. (Zeitschr. f. öster. Gymnas. LV). Женскаго вопроса въ Греціи касается *Leo Bloch* въ „Alkestisstudien“ („Neue Jahrb. f. d. klass. Altertum“, VII, 1901). Въ обширномъ трудѣ *Lilly Braun*, „Die Frauenfrage“, Leipz., 1900, имѣющемся и въ русскомъ переводѣ, глава, посвященная древности, слишкомъ кратка и вообще неудовлетворительна.

Когда Пенелопа сошла было внизъ, въ пиршественное собраніе, и, разстроенная пѣснью о печальномъ возвратѣ ахеянъ изъ Трои, просила пѣвца прервать эту пѣснь и спѣть другую, то Телемакъ обращается къ ней съ такими словами:

„...Удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства,
Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ работѣ
Были своей; говорить же не женское дѣло, а дѣло
Мужа, и нынѣ мое: у себя я одинъ повелитель“.

И Пенелопа повиновалась: пошла обратно,

„Къ сердцу слова многоумныя сына принявъ и въ покоѣ
Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ
Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ ..“

Но жена въ гомерическую эпоху—подруга, а не раба мужа. Величайшимъ счастьемъ признается согласная жизнь между ними, миръ въ семьѣ:

„О! да исполнятъ безсмертные боги твои всѣ желанья,
Давши супруга по сердцу тебѣ съ изобиліемъ въ домѣ,
Съ миромъ въ семьѣ! Несказанное тамъ водворяется счастье,
Гдѣ однодушно живутъ, сохраняя домашній порядокъ,
Мужъ и жена, благомысленнымъ людямъ на радость, недобрымъ
Людямъ на зависть и горе, себѣ на великую славу“,

говоритъ Одиссей Навсикаѣ.

Въ своей сферѣ жена—равноправная личность. Въ гомерическомъ эпосѣ мы встрѣчаемъ даже указанія на большое нравственное вліяніе женщины, на тотъ почетъ, которымъ она иногда была окружена. Жена Алкиноя, царица Арета, возсѣдаетъ «передъ яркоблестящимъ очагомъ», «съ чуднымъ искусствомъ» прядя «тонкопурпурныя нити»,

„Подлѣ колонны высокой, въ кругу приближенныхъ служанокъ“,

и Одиссей по совѣту Навсикаи долженъ, минуя Алкиноя, прежде всего обратиться къ ней и, «обнявши руками колѣна» ея, умолять, «чтобы она поспѣшила день возвращенья въ отчизну» ему «даровать». Алкиной такъ почи-

талъ ее, «какъ еще никогда не была жена почитаема мужемъ»; а феакійцы видѣли въ ней какъ бы «свое божество»

„...и въ городѣ съ радостно-шумнымъ всегда къ ней тѣснятся
Плескомъ, когда межъ народа она тамъ по улицамъ ходитъ.
Кроткая сердцемъ, имѣетъ она и возвышенный разумъ,
Такъ, что *нерѣдко и трудные споры мужей разрѣшаетъ*“.

Нужно однако замѣтить, что рядомъ мы встрѣчаемъ и черты, указывающія на подчиненное, нѣсколько приниженное положеніе женщины: она, напр., должна смотрѣть снисходительно на связь мужа съ наложницей, хорошо обращаться съ прижитыми отъ такой связи дѣтьми его и т. д.

Въ эпоху развитія демократіи и просвѣщенія положеніе греческой женщины *на первыхъ порахъ*, несомнѣнно, ухудшилось. Нѣкоторое вліяніе могъ здѣсь оказать востокъ, а главное—просвѣщеніе и развитіе городской, болѣе широкой политической жизни сначала должно было вырыть глубокую пропасть между мужемъ и женой. Мужъ проводитъ время большею частью внѣ дома, на площади; онъ занятъ философскими спорами, государственными и общественными дѣлами; онъ живетъ болѣе широкими политическими и умственными интересами. А жена сидитъ обыкновенно дома, разодѣтая и нарумяненная или погруженная въ хозяйственныя заботы. Домъ—это ея міръ, и добродѣтельная жена не должна была переступать его границъ. «Что умнаго и славнаго мы можемъ совершить,—спрашиваетъ одна изъ героинь Аристофановой комедіи «Лисистрата»,—мы, женщины, которыя сидимъ дома, украшенныя цвѣтами, въ желтошафранной одеждѣ, нарумяненныя, въ кимбрскихъ прозрачныхъ платьяхъ, въ модныхъ сандаліяхъ?» Сидятъ онѣ подъ строгимъ присмотромъ, нерѣдко взаперти, охраняемыя, если вѣрить тому же Аристофану, молосскими собаками, крѣпкими замками и запорами («Thesmoph.»), хотя, какъ говорится въ одномъ изъ его отрывковъ, глупъ тотъ мужъ, который полагается на подобныя мѣры.

Въ дошедшемъ до насъ стихотвореніи одного греческаго сатирика VII в. до Р. Х. выражается крайне отрицательный взглядъ на женщину. Для характеристики различныхъ женскихъ типовъ сатирикъ прибѣгаетъ къ сравненіямъ преимущественно съ животными; неряху онъ выводитъ отъ свиньи, хитрую и лукавую женщину онъ сравниваетъ съ лошадью, злокозненную—съ обезьяною, а непостоянную, измѣнчивую уподобляетъ морю,—сравненія, любопытныя, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что впослѣдствіи сходные эпитеты и уподобленія встрѣчаются въ византійской и древнерусской письменности [1]). По Гесіоду, женщина есть зло. По обычному тогда воззрѣнію, она во всѣхъ отношеніяхъ ниже мужчины; единственный смыслъ и цѣль брака—рожденіе потомства. Поэтому съ бездѣтными женами объявлялся разводъ.

Женщина въ Греціи неправоспособна [2]). Въ нѣкоторыхъ государствахъ, напр. въ Аѳинахъ, она не могла выступать свидѣтельницею, не могла сама вести судебныя дѣла и начинать процессъ, заключать договоръ выше извѣстной нормы.

Надъ греческою женщиною постоянная опека: дѣвушкой, въ родительскомъ домѣ, она находится подъ опекой отца, въ замужествѣ—подъ опекой мужа. Замужъ выходитъ она молодою, лѣтъ 15-ти, воспитывается подъ строгимъ присмотромъ, по правилу «какъ можно меньше видѣть, слышать и говорить». Обыкновенно она умѣетъ лишь приготовлять платье изъ шерсти, наблюдать, какъ дѣлится пряжа между служанками; зато она хорошо обучена кулинарному искусству, «ибо это—важнѣйшая для нея и для мужа наука». Она застѣнчива, робка, стѣсняется говорить даже съ мужемъ, и нѣтъ человѣка, съ которымъ бы мужъ меньше совѣтовался о дѣлахъ, нежели съ женою.

---

1) См. ст. *А. Н. Деревицкаго.* въ Ж. М. Н. Пр., 1901. и въ „Сборн. въ честь П. В. Никитина“. Спб. 1901.

2) *Gide*, „Etude sur la condition privée de la femme dans le droit ancien et moderne“. Paris. 1867 (недавно переведено и на русскій языкъ.)

Говоря вкратцѣ, такова молодая женщина по греческому Домострою [1]). Вообще обычный тогдашній идеалъ жены—молчаливая, скромная, трудолюбивая, «какъ пчела». Еще въ вѣкъ Перикла считалось величайшею славою для женщины, когда о ней меньше всего говорилось въ средѣ мужчинъ какъ въ дурную, такъ и въ хорошую сторону (*Θукид.* II, 45). Отъ жены требовалась вѣрность. но мужу дозволялось все.

Но то же просвѣщеніе, которое на первыхъ порахъ такъ разъединяло мужчину и женщину, мало-по-малу, разными путями, проникало и въ гинекей, на женскую половину. Оно пробуждало въ женщинѣ сознаніе приниженности, недовольство положеніемъ, потребность иной жизни, желаніе выйти изъ этой замкнутой, узкой сферы. Одна изъ господствующихъ чертъ эпохи «Просвѣщенія» въ Греціи, наступившей вскорѣ послѣ греко-персидскихъ войнъ,—стремленіе къ *эмансипаціи*, къ освобожденію отъ всякаго принужденія, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось. То была пора развивавшагося *индивидуализма.* Уже и въ рабѣ начинали видѣть человѣка; уже и за нимъ готовы были признавать человѣческія права; со сцены раздавались слова, что раба позоритъ одно только названіе, что онъ нисколько не ниже свободнаго человѣка; софисты провозглашали рабство безнравственнымъ учрежденіемъ. Естественно, что долженъ былъ измѣниться взглядъ и на женщину.

Отраженіе этого мы видимъ въ тогдашней литературѣ, прежде всего въ *трагедіи.*

СТАВРОПОЛЬСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

Какъ извѣстно, въ греческой трагедіи женщинамъ отводится чрезвычайно видное мѣсто. Во многихъ пьесахъ онѣ являются главными дѣйствующими лицами. И замѣ-

1) См. соч *Ксенофонта*: „О хозяйствѣ“.

чательно, что поэты нерѣдко надѣляютъ ихъ сильными характерами, благородствомъ души; многія женщины въ греческой трагедіи поражаютъ своимъ величіемъ, своимъ героизмомъ; онѣ исполнены мужества и самопожертвованія [1]). Стоитъ вспомнить хотя бы о такомъ образѣ, какъ Софоклова Антигона. Но я здѣсь остановлюсь лишь на на отношеніи къ женщинѣ у Еврипида, который для историка представляетъ особый интересъ [2]).

Дѣло въ томъ, что Еврипидъ не представитель «чистаго искусства», а глашатай новыхъ идей. Онъ затрогивалъ самыя животрепещущія для тогдашняго общества темы, отзывался на самые жгучіе вопросы. Философскіе взгляды, софистическое направленіе, вообще движеніе въ области мысли, развитіе гуманности, политическія и общественныя стремленія второй половины V-го вѣка, все это находило отраженіе въ трагедіяхъ Еврипида. Это былъ «сценическій философъ», какъ называли его еще въ древности, истый поэтъ греческаго «Просвѣщенія», со всѣми его идеями и стремленіями [3]). Но необходимо оговориться: мы должны быть готовы къ тому, что встрѣтимъ у Еврипида противорѣчія. Объясняются они, во-первыхъ, тѣмъ, что міросозерцаніе этого поэта-скептика не отличалось строгою послѣдовательностью и цѣльностью; притомъ, съ теченіемъ времени его взгляды мѣнялись; а во-вторыхъ, нельзя все то, что́ говорятъ герои трагедіи, безъ дальнихъ разсужденій приписывать самому автору, какъ его собственное убѣжденіе. Напр., довольно распространено мнѣніе, будто Еврипидъ былъ ненавистникомъ женщинъ, мисогиномъ. Дѣйствительно, его Ипполитъ, такъ сказать, принципіальный врагъ всего женскаго пола; онъ горячо выражаетъ свою ненависть къ нему; онъ утверждаетъ, что женщина—великое зло; хорошо еще тому, у

[1]) *Ѳ. Г. Мищенко*, „Женскіе типы античной трагедіи“ („Русская Мысль“. 1893, апрѣль).

[2]) Ср. мое „Введеніе въ исторію Греціи“. X. 1904, стр. 40—41.

[3]) *Nestle*, „Euripides, der Dichter d. griech. Aufklärung“. Stuttg. 1901.

кого въ домѣ жена, неспособная по глупости ни на доброе, ни на злое; по сохрани Боже отъ такой, у которой ума больше, чѣмъ нужно женщинѣ! Такихъ «умницъ» Ипполитъ особенно не терпитъ. Но самого поэта, создавшаго такіе типы беззавѣтно любящихъ и самоотверженныхъ до героизма женщинъ, какъ Ифигенія, Макарія, Алкестида, мы не въ правѣ считать мисогиномъ.

На самомъ дѣлѣ въ трагедіяхъ Еврипида мы встрѣчаемся съ самыми разнообразными взглядами на женщину и на ея положеніе въ семьѣ и въ обществѣ [1]). Одни примыкаютъ къ обычнымъ воззрѣніямъ, которыя мы выше вкратцѣ охарактеризовали, въ родѣ, напр., того, что женщина всегда и вездѣ стоитъ ниже мужчины: всякая жена хуже мужа (Oedipi fr. 546); жизнь одного мужчины дороже жизни тысячи женщинъ (Iphig., 1394); жена мудрая—раба мужа, а неразумная по своему безумію смотритъ на него презрительно (Oedipi fr. 545); мужъ—глава, и жена должна ему подчиняться: умный человѣкъ никогда не долженъ уступать женѣ бразды правленія (Cret., fr. 463), и т. д. Призваніе женщины противополагается призванію мужчины (Ифиг. въ Авл., 568 сл.); каждый долженъ оставаться вѣренъ своей сферѣ (Meleagri fr. 522): развѣ могло бы быть благоустроеннымъ государство, если бы мужчины сидѣли за прялкой, а женщины принялись за военное ремесло? отрѣшенныя отъ своего круга дѣятельности, онѣ не были бы полезны здѣсь, а мы—тамъ. Домашнее хозяйство—дѣло женщинъ; въ домѣ должна управлять жена, и въ тѣхъ случаяхъ, когда мужъ плохо хозяйничаетъ, добропорядочная жена можетъ поправить дѣла и спасти отъ разоренія. У Еврипида повторяется, что лучшее украшеніе женщины—скромность, кротость и молчаніе. Идеальная жена сидитъ дома и избѣгаетъ разговоровъ даже съ сосѣдками, съ ихъ сплетнями и болтовней, соблазнительной и вредной:

---

[1]) См. *Nestle*.

„Женщинѣ... не избѣгнуть толковъ,
Когда въ дому своемъ она сидѣть не любитъ.
И всячески себя отъ этого стараясь
Удерживать, я дни всѣ проводила дома;
Въ чертогъ свой никогда проникнуть не давала
Я женской болтовнѣ краснорѣчиво-хитрой.
. . . . . .
Храня молчаніе, съ лицомъ спокойнымъ, мужа
Умѣла встрѣтить я; я знала, гдѣ мнѣ надо
Надъ нимъ взять верхъ, а гдѣ его исполнить волю".
(Перев. О. Вейссъ.)

Такъ говоритъ Андромаха, идеалъ жены у Еврипида.

Но при этомъ на семейную жизнь, на взаимныя отношенія мужа и жены у Еврипида не разъ высказывается возвышенный взглядъ: бракъ представляется духовнымъ единеніемъ; жена—вѣрная подруга мужа; ея долгъ—дѣлить съ нимъ и горе, и радость. «Если ты боленъ, больна и я; страдаешь ты, страдаю и я съ тобою; съ тобою вмѣстѣ переношу я твою печаль», говоритъ у Еврипида преданная подруга мужа (Oed. fr. 909). Мужъ и жена должны какъ бы «слиться» другъ съ другомъ. Особенно возвышенный образъ преданной жены у Еврипида—это Алкестида [1]). Она идетъ на смерть вмѣсто мужа, Адмета. Адметъ умоляетъ ее не покидать его, ради дѣтей, которыхъ смерть ея осиротитъ: «умрешь ты,—говоритъ онъ,—больше не жилецъ и я; въ тебѣ моя жизнь и смерть». На это Алкестида отвѣчаетъ, что она его любитъ и жертвуетъ за него своею жизнью, что жизнь въ разлукѣ съ нимъ, съ дѣтьми, потерявшими отца, ея не привлекаетъ, и она ради его спасенія не щадитъ своей цвѣтущей юности.

При такихъ отношеніяхъ жена не можетъ уже занимать приниженнаго, подчиненнаго положенія, и въ пьесѣ, напр., прямо говорится, что Алкестида своимъ благороднымъ подвигомъ подняла уваженіе ко всему женскому полу. Такимъ образомъ, Еврипидъ *возвышаетъ женщину, какъ жену*, какъ равноправную подругу мужа.

[1]) Ср. *Leo Bloch*, Alkestisstudien (№ Jahrb. f. d. klass. Altertum VII. 1901).

Вообще, рядомъ съ приведенными выше мнѣніями о превосходствѣ мужчинъ надъ женщинами мы найдемъ у Еврипида не мало и противоположныхъ отзывовъ; напр., напрасно мужчины осыпаютъ порицаніями женщинъ: «женщины лучше мужчинъ» (Melan. desm., fr. 499). И многія женщины Еврипида по силѣ характера, по благородству стоятъ выше мужчинъ. Его Алкестида, какъ мы видѣли, жертвуетъ собою, чтобы спасти мужа; его Макарія умираетъ ради спасенія Гераклидовъ, своихъ братьевъ и сестеръ; его Ифигенія воодушевлена патріотизмомъ и готова идти на смерть ради блага родины: сначала она скорбитъ, что ей, столь юной, приходится умирать, но, узнавъ, что ея смерть необходима для осуществленія задуманнаго греками предпріятія, она съ радостью «отдаетъ себя Элладѣ». «Ты родила меня не для одной себя; я принадлежу всей Элладѣ», заявляетъ Ифигенія, обращаясь къ матери; и теперь, когда несмѣтныя полчища воиновъ готовы отплыть, чтобы сразиться съ врагомъ и положить жизнь за родину, «неужели я, одна я, стану имъ мѣшать?..» Въ трагедіи «Эрехѳей» Праксиѳея, жена аѳинскаго царя, отдаетъ свою дочь на жертву, чтобы доставить отечеству побѣду, и впослѣдствіи аѳинскіе ораторы видѣли въ этой пьесѣ Еврипида лучшее выраженіе высокаго патріотизма. Въ «Гекубѣ» Поликсена добровольно умираетъ, предпочитая смерть рабству, и т. д.

Даже Медея у Еврипида — величественный образъ, и, несмотря на всю ея демоническую злобу и жажду мести, поэтъ пробуждаетъ въ насъ состраданіе къ этой женщинѣ, оскорбленной какъ жена и мать.

Въ уста Медеи Еврипидъ влагаетъ жалобу на горькую долю, на которую обыкновенно обречена женщина:

„—Мы, женщины, изъ всѣхъ
Существъ, душой и мыслью одаренныхъ,—
Несчастнѣйшія: золотомъ сперва
Мы покупать должны себѣ мужей,
Чтобы отдать имъ въ рабство наше тѣло...“
(Перев. Д. С. Мережковскаго.)

Отказаться отъ замужества — невозможно, а разойтись съ мужемъ — для женщины позорно. Еще завидная доля, если жена, «невзгоды всѣ одолѣвая», живетъ съ супругомъ ладно, не терпя насилія, а иначе лучше смерть.

„Супругъ, въ дому не находя отрады,
Уйдетъ къ своимъ ровесникамъ, къ друзьямъ,
Чтобъ съ ними душу облегчить бесѣдой.
А для жены одна лишь радость — мужъ.
Намъ говорятъ, что тихую проводимъ
Мы жизнь въ домахъ, въ то время какъ они
Сражаются за насъ на полѣ брани“.

Но Медея предпочла бы «трижды подъ щитомъ стоять, чѣмъ въ мукахъ разъ дитя родить».

Здѣсь уже слышится недовольство замкнутою жизнью, приниженнымъ положеніемъ.

По силѣ характера и ума Медея стоитъ выше обычнаго уровня не только женщинъ, но и мужчинъ. По собственному ея сознанію, она во многомъ отлична отъ другихъ; она жалуется, что именно мудрость навлекаетъ на нее злобу.

Вообще, по Еврипиду, мудрость далеко не чужда женщинѣ. «Сколько мудрости исходило уже отъ женщинъ»! говоритъ въ одной изъ его пьесъ Тезей. Но въ особенности интересны въ этомъ отношеніи, для характеристики женскаго движенія въ Греціи, слова хора въ «Медеѣ» на тему, которую можно формулировать такъ: «человѣкъ я, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо». Здѣсь греческая женщина устами хора заявляетъ о своемъ *стремленіи и способности къ умственному развитію, къ высшему образованію:*

„Часто умомъ углубляясь въ ръшенье
Слишкомъ мудреныхъ вещей, чаще въ споры вступала,
Чѣмъ подобаетъ нашему полу.
Все-жъ есть и у насъ къ развитію склонность,
Необходимая мудрости спутница,
Коль не у всѣхъ, у немногихъ по крайности.
Музы доступны и женщинамъ“ [1]).

[1]) Перев. *Е. Ф. Шнейдеръ* (Спб. 1888 г.), съ небольшими измѣненіями.

ОТДѢЛЪ РУКОПИСЕЙ

И въ «Мудрой Меланиппѣ»—трагедіи, изъ которой сохранились, къ сожалѣнію, лишь немногіе отрывки [1]), Еврипидъ вывелъ *женщину* представительницею современнаго ему «Просвѣщенія». Меланиппа, по ея собственнымъ словамъ, «не плохого мнѣнія о себѣ» и о своемъ образованіи; «правда, я женщина,—замѣчаетъ она,—но умъ есть у меня» [2]). Меланиппа—философъ [3]). Она высказывается противъ обычныхъ воззрѣній и суевѣрій, противъ вѣры въ чудеса; поэтъ влагаетъ ей въ уста смѣлыя по скептицизму мысли относительно Зевса и происхожденія міра, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ его Меланиппа ссылается на то, что она заимствовала свои разсказы у своей матери [4]).

Въ общемъ знаменателенъ уже тотъ фактъ, что женщины занимаютъ такое видное мѣсто въ произведеніяхъ Еврипида. Очевидно, въ то время начинали ужъ интересоваться ихъ душевнымъ міромъ; возникалъ вопросъ о положеніи женщины въ семьѣ и въ обществѣ, а въ приведенныхъ выше словахъ хора изъ «Медеи» сказываются уже высшіе запросы, по крайней мѣрѣ избраннаго меньшинства. Въ тѣхъ нерѣдко противорѣчивыхъ отзывахъ, которые мы встрѣчаемъ у Еврипида относительно женщинъ, слышится какъ бы отголосокъ различныхъ мнѣній по женскому вопросу въ тогдашнемъ обществѣ.

IV.

Комедія представляетъ намъ дальнѣйшее развитіе женскаго вопроса; здѣсь женская эмансипація изображается

---

[1]) Недавно *И. Ѳ. Анненскій* написалъ цѣлую пьесу: „Меланиппа-философъ“.

[2]) Слова эти произноситъ Лисистрата (въ комедіи Аристофана), но по объясненію схоліаста они взяты изъ Еврипидовой „Меланиппы“.

[3]) По свидѣтельству Діонисія Галикарн., Меланиппа у Еврипида получила прозваніе „мудрой“ потому, что она много философствовала.

[4]) *Nestle*, стр. 32 сл., 266.

въ крайнихъ ея проявленіяхъ и, конечно, въ преувеличенномъ, карикатурномъ видѣ.

Аристофанъ посвятилъ женщинамъ три пьесы: «Лисистрату», «Женщины на праздникѣ θесмофорій» и «Женское народное собраніе». Не передавая подробно ихъ содержанія, я отмѣчу лишь наиболѣе характерное въ нихъ.

Въ первой комедіи греческія женщины, подъ предводительствомъ героини пьесы, Лисистраты, «пресвѣтлой главы смѣлаго дѣла и плана», сообща берутся спасти мужчинъ и всю Грецію отъ бѣдствій войны [1]), которая давно уже тянется, всѣмъ тягостна и въ особенности даетъ себя чувствовать женщинамъ; онѣ захватываютъ акрополь, казну, смѣло и энергично отбиваютъ нападенія стариковъ, пытающихся вытѣснить ихъ изъ акрополя, и т. д.

«Мы,—говоритъ Лисистрата,—терпѣливо, со свойственною намъ скромностью, сносили все, что ни дѣлали вы, мужчины, ибо вы не позволяли намъ и пикнуть. Мы внимательно наблюдали за вашими дѣйствіями; часто, сидя дома, слышали о томъ, какъ вы плохо рѣшали важныя дѣла». Далѣе, съ смущеніемъ въ душѣ, съ улыбкой на устахъ, женщина рѣшается обратиться сначала съ робкимъ вопросомъ, а затѣмъ ужъ съ замѣчаніями, но въ отвѣтъ со стороны мужа получала сердитый окрикъ: «тебѣ какое дѣло? молчи ты у меня!», а потомъ и угрозы: «если ты не будешь сидѣть за своею пряжею, то у тебя долго будетъ болѣть голова! война — дѣло мужчинъ». И вотъ, когда дѣла приняли еще худшій оборотъ, когда открыто ужъ стали говорить, что въ странѣ не осталось ни одного мужчины,—всѣ пали или ушли на войну;—тогда греческія женщины, по зову и подъ предводительствомъ Лисистраты, собрались и порѣшили общими усиліями немедленно спасти Элладу. «И если вы послушаетесь нашего совѣта,—продолжаетъ свою рѣчь Лисистрата пробулу,—и будете мол-

---

[1]) Пелопоннесской; комедія написана въ 411 г. до Р. Х.

чать, какъ мы до сихъ поръ молчали, то мы направимъ васъ на правильный путь».

Слова эти и затѣя женщинъ, ихъ притязанія, разумѣется, возмущаютъ мужчинъ: между обѣими сторонами возникаетъ горячій споръ, обмѣнъ взаимныхъ нападокъ и обвиненій. Мужчинамъ кажется страннымъ, что женщины будутъ завѣдывать денежною казною; кажется безумiемъ, что онѣ хотятъ командовать гражданами: онѣ, слабыя существа, мечтаютъ теперь о шлемѣ и щитѣ и думаютъ вести переговоры о мирѣ! Для мужчинъ—это рѣшительный моментъ: если кто-либо изъ насъ хоть на палецъ уступитъ женщинамъ, говоритъ корифей мужского хора, тогда онѣ не прекратятъ ужъ неустанной дѣятельности, начнутъ строить корабли, давать морскія сраженія и нападутъ на насъ, подобно Артемисіи (о которой разсказываетъ Геродотъ и которая принимала участіе въ походѣ Ксеркса на Грецію). Мужчинамъ кажется страннымъ, что женщины намѣрены завѣдывать финансами, но Лисистрата не находитъ въ этомъ ничего удивительнаго: «развѣ мы, женщины, — говоритъ она, — не завѣдуемъ всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ?» И она повторяетъ уже извѣстныя намъ слова Еврипидовой Меланиппы: «Правда, я— женщина, но умъ есть у меня; сама я о себѣ не плохого мнѣнія; отъ отца и отъ старцевъ я много слышала изреченій и я недурно образована». Женскій хоръ заявляетъ, что онъ готовъ идти на все вмѣстѣ со своими мужественными сестрами, у которыхъ есть природныя дарованія, есть грація, есть смѣлость, умъ, патріотизмъ, разумная доблесть. «Развѣ я не обязана давать полезные совѣты государству? — говоритъ устами хора греческая женщина. — Хотя я родилась женщиной, но не лишайте же меня права предлагать лучшее, нежели жалкое настоящее. Вѣдь я тоже плачу свою долю, ибо я даю государству гражданъ...»

Въ комедіи «Thesmophoriazusai» [1]), женщины, чувствуя

[1]) Θесмофоріи — праздникъ въ честь Деметры, исключительно женскій: къ участію въ немъ допускались только женщины.

себя оскорбленными нелестными о нихъ отзывами и нападками Еврипида, задумываютъ сообща защитить себя отъ этого поэта и отмстить ему; но подъ видомъ защиты комикъ выставляетъ ихъ еще въ худшемъ свѣтѣ, чѣмъ Еврипидъ, такъ что на самомъ дѣлѣ пьеса оказывается направленною больше противъ женщинъ, нежели противъ Еврипида.

Третья комедія Аристофана, касающаяся женщинъ, «Женское народное собраніе», написана лѣтъ двадцать спустя [1]) послѣ двухъ только-что упомянутыхъ. Женщины на разсвѣтѣ, переодѣвшись въ мужское платье и подвязавъ бороды, отправляются, подъ предводительствомъ гражданки Праксагоры, въ народное собраніе и тамъ, по предложенію той же Праксагоры, принимая въ соображеніе, что при главенствѣ мужчинъ государство испытываетъ бѣдствія, каждый заботится лишь о себѣ, а объ общемъ — никто, и «дабы не оставить неиспробованнымъ послѣдняго новшества», постановляютъ передать управленіе государствомъ женщинамъ, ибо служатъ же онѣ въ домѣ управляющими и казначеями, а также въ виду добрыхъ качествъ женскаго пола. Государство, по мысли Праксагоры, должно быть устроено на совершенно новыхъ основаніяхъ — на началахъ свободы и равенства, общности женъ — или, вѣрнѣе, мужей — и имущества. Въ разговорѣ съ своимъ мужемъ, Блепиромъ, Праксагора излагаетъ подробности этого коммунистическаго строя и на словахъ побѣдоносно разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія и сомнѣнія возражающаго ей Блепира. Въ концѣ пьесы комикъ показываетъ, какъ на дѣлѣ осуществлялся этотъ идеалъ. Онъ выводитъ двухъ гражданъ, изъ коихъ одинъ спѣшно укладываетъ свое имущество, чтобы согласно новому распоряженію нести его на площадь и сдать въ общую казну, а другой не спѣшитъ: не желая разстаться такъ легко съ своимъ достояніемъ, онъ выжидаетъ, какъ будетъ исполнено приказаніе другими и не помѣшаетъ ли

[1]) Написана въ 389 г. или въ 392 г.

какое-нибудь неожиданное происшествіе. въ родѣ, напримѣръ, землетрясенія, приведенію въ исполненіе задуманнаго нововведенія. Въ другой сценѣ нѣсколько старухъ, одна старѣе и безобразнѣе другой, и молодая дѣвушка спорятъ изъ-за обладанія молодымъ человѣкомъ.

Итакъ, оставляя въ сторонѣ злыя насмѣшки, комическія подробности и непристойныя сцены, которыми особенно богаты разсматриваемыя комедіи, мы видимъ, что женщины у Аристофана недовольны существующимъ положеніемъ, протестуютъ противъ главенства мужчинъ и словомъ, и дѣломъ; ихъ волнуютъ интересы ихъ пола, родного города и даже всей Эллады: онѣ берутся рѣшать государственныя дѣла, вмѣшиваются въ политику, захватываютъ власть въ свои руки, предъявляютъ притязанія на управленіе, на доступъ къ должностямъ, создаютъ утопическіе планы переустройства государства и общества на новыхъ началахъ и т. д. Изъ ихъ среды выдѣляются смѣлыя, энергичныя, предпріимчивыя личности — Лисистраты и Праксагоры.

Конечно, каждое слово комика нельзя принимать за чистую монету; несомнѣнно, у него много преувеличеній, много каррикатурнаго. Но и каррикатура должна имѣть хоть отдаленное сходство съ оригиналомъ; намеки, самые смѣлые и, повидимому, нелѣпые, должны имѣть какое-либо отношеніе къ дѣйствительности, иначе они не будутъ понятны и не произведутъ надлежащаго впечатлѣнія. Комедія Аристофана—все-таки отраженіе, хотя бы и каррикатурное, тогдашней дѣйствительности. Очевидно, что въ концѣ V в. греческая женщина уже начинаетъ выходить изъ своего приниженнаго, замкнутаго положенія; она выросла изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыя была поставлена ея жизнь; она достигаетъ большей умственной зрѣлости; ея самознаніе пробудилось, и она начинаетъ относиться критически къ окружающимъ явленіямъ, предъявлять права на свою долю участія въ общественной жизни. Не даромъ комикъ посвятилъ женщинамъ цѣлыхъ

три комедіи: не даромъ его насмѣшки были такъ злостны: ясно, что вопросъ объ эмансипаціи женщинъ давно уже былъ поставленъ и занималъ умы. Въ «Лисистратѣ» діалогъ между хоромъ мужчинъ и хоромъ женщинъ, съ взаимными упреками и нападками, это—въ сущности столкновеніе двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія на положеніе женщины; это—споръ сторонниковъ эмансипаціи и встревоженныхъ охранителей существующаго порядка, не могущихъ примириться съ новыми стремленіями и бросающихъ женщинамъ, одушевленнымъ этими стремленіями, упрекъ въ невѣрности и нравственной распущенности.

И Аристофанъ не стоитъ одиноко; онъ не былъ единственнымъ комикомъ, заговорившимъ о новыхъ стремленіяхъ женщинъ; въ комедіи *Ферекрата* «*Тираннія*» женщины являются стоящими во главѣ правленія; комикъ *Θеопомпъ* написалъ пьесу «*Женщины - солдаты*» и т. под.

V.

Полагали, что Аристофанъ въ своей комедіи «Женское народное собраніе» имѣлъ въ виду осмѣять коммунистическій идеалъ Платона въ его «Государствѣ». Но въ настоящее время можно считать доказанною ошибочность такого мнѣнія: Платоново «Государство» появилось позже Аристофановой комедіи.

Какъ извѣстно, Платонъ въ своемъ «Государствѣ» проповѣдуетъ общность женъ, дѣтей и имущества, по крайней мѣрѣ для высшаго класса, такъ называемыхъ стражей. При такой общности, по его мнѣнію, будетъ достигнута бо́льшая цѣльность и единство; но у Платона общность имущества — не столько коммунизмъ, не столько общее право каждаго на пользованіе земными благами, сколько общій отказъ отъ этихъ благъ [1]); а общность женъ не

[1]) *Виндельбандъ*, „Платонъ“ (рус. пер. Спб., 1900), стр. 171. О взглядахъ Платона на женскій вопросъ есть брошюра *Krockenberger'a*: „Platos Behandlung der Frauenfrage in Rahmen der Politeia“. Ludwigsburg, 1902.

есть признаніе права свободной любви. Напротивъ, у него правительство строго регулируетъ заключеніе *временныхъ* браковъ, въ видахъ улучшенія породы или расы, при чемъ рекомендуется даже прибѣгать къ подложнымъ жребіямъ. По Платону, мать не должна знать своихъ дѣтей, а дѣти— родителей. Дѣти съ самаго рожденія поступаютъ въ своего рода воспитательные дома и ихъ воспитаніемъ завѣдуетъ государство.

Платонъ въ «Государствѣ» доказываетъ равенство мужчинъ и женщинъ, между прочимъ, прибѣгая къ аналогіи изъ міра животныхъ. Природа ихъ, говоритъ онъ, одинакова и нѣтъ такого дѣла, которое было бы свойственно женщинѣ, какъ таковой, или мужчинѣ, какъ таковому. Силы природы равно разлиты въ обоихъ полахъ; по природѣ всѣмъ дѣламъ причастна и женщина, всѣмъ и мужчина; только женщина слабѣе мужчины. Но и тутъ бываютъ исключенія, и иная женщина превосходитъ иного мужчину; а во-вторыхъ, если и есть нѣкоторая разница между мужскимъ и женскимъ поломъ, то разница эта не существенная, лишь количественная, а не качественная, не такая, которая мѣшала бы обоимъ поламъ во всемъ участвовать на одинаковыхъ правахъ. Платонъ сравниваетъ это съ тѣмъ, какъ, напр., если бы отъ занятія ремесломъ башмачника устранить людей, имѣющихъ густые волосы, на томъ основаніи, что есть плѣшивые башмачники, или наоборотъ.

Изъ такого взгляда Платона на женскую природу вытекаютъ два его положенія.

Во-первыхъ, женщина должна имѣть права и обязанности, одинаковыя съ мужчиной; ей долженъ быть открытъ доступъ ко всѣмъ занятіямъ, ко всѣмъ должностямъ, не исключая и правительственныхъ, и къ военной службѣ; она должна занимать мѣста въ государствѣ, ходить на войну, раздѣлять съ мужчиной обязанности стражей и по возможности имѣть участіе во всемъ. На войну женщины будутъ ходить сообща и водить съ собою подростковъ,

чтобы тѣ, всматриваясь, пріучались и помогали. Дѣлая все сказанное выше, женщины, по словамъ Платона, не будутъ дѣлать чего-либо противорѣчащаго ихъ природѣ. Существующій порядокъ скорѣе противорѣчитъ природѣ.

Во-вторыхъ, женщина должна получать и образованіе, одинаковое съ мужчиной; она должна заниматься не только музыкой, но и гимнастикой. и военнымъ искусствомъ. Платонъ не отвергаетъ, что съ современной ему точки зрѣнія многое изъ того, что онъ предлагаетъ, покажется смѣшнымъ. Но онъ напоминаетъ, что было время, когда казалось, напр., смѣшнымъ видѣть упражненія нагихъ мужчинъ въ палестрахъ. Итакъ, говоритъ онъ, пусть жены стражей разоблачаются для участія въ гимнастическихъ упражненіяхъ, лишь бы онѣ облекались добродѣтелью, пусть участвуютъ въ войнѣ и въ другихъ занятіяхъ, касающихся государства...

Такія, можно сказать, крайнія воззрѣнія проводилъ Платонъ въ «Государствѣ». Должны ли мы видѣть въ нихъ лишь воздушные замки, порожденіе смѣлой фантазіи? Едва ли. По справедливому замѣчанію Тэна, литературное произведеніе—не простая игра воображенія или изолированный капризъ пылкой головы; это—снимокъ окружающихъ нравовъ и признакъ извѣстнаго состоянія умовъ... Это примѣнимо и въ данномъ случаѣ къ Платону. Въ «Государствѣ» онъ не разъ повторяетъ, что «каждый долженъ дѣлать свое дѣло». Такой принципъ, какъ справедливо думаетъ Виндельбандъ, могъ бы привести скорѣе къ проведенію различія между мужчиной и женщиной; если же философъ поступаетъ наоборотъ, то не въ силу требованій послѣдовательности, а подъ вліяніемъ другихъ причинъ, именно существованія женскаго вопроса въ тогдашнихъ Аѳинахъ, проявленія женской эмансипаціи [1]). Не ученіе философовъ было источникомъ этого движенія, а наоборотъ — философскія построенія возникли на почвѣ

[1]) *Виндельбандъ*, „Платонъ“, стр. 173.

БИБЛІОТЕКА

того соціальнаго движенія, которое началось еще въ V-мъ вѣкѣ и которое философы лишь пытались научно обосновать [1]). Какое значеніе придавали современники идеямъ Платона, видно изъ того, что Аристотель счелъ нужнымъ остановиться на нихъ подробно и подвергнуть ихъ разбору въ числѣ тѣхъ ученій, которыя находили себѣ одобреніе.

Но въ философской литературѣ того времени высказывались и иныя воззрѣнія по женскому вопросу. Самъ Платонъ впослѣдствіи, признавая свой идеалъ совершеннаго—съ его точки зрѣнія—государства неосуществимымъ, пошелъ на компромиссъ съ господствовавшими въ его время порядками и предложилъ въ своихъ «Законахъ» другой, менѣе совершенный типъ государства. Здѣсь онъ уже не повторяетъ своего положенія объ одинаковыхъ способностяхъ мужчины и женщины; онъ говоритъ ужъ объ отдѣльномъ, видоизмѣненномъ сообразно полу, образованіи; но все-таки попрежнему настаиваетъ на привлеченіи женщинъ къ военной службѣ: пренебреженію женскимъ поломъ долженъ настать конецъ, говоритъ онъ, ибо иначе государство лишается половины своихъ силъ. А въ «Тимеѣ» Платона въ одномъ мѣстѣ говорится, что души всѣхъ трусливыхъ и негодныхъ мужчинъ при переселеніи, на время второй жизни, переходятъ, «какъ это и подобаетъ», въ женщинъ [2]).

Ученіе Платона объ общности женъ, дѣтей и имущества, какъ извѣстно, подверглось критикѣ со стороны Аристотеля. Мысль Платона, что женщина должна заниматься тѣмъ же дѣломъ, что и мужчина, Аристотель находилъ странною. По его мнѣнію, мужчина отъ природы

---

1) *Iro Bruns*, стр. 23.

2) Раньше Платона, еще во второй половинѣ V в. Демокритъ въ своихъ афоризмахъ выражался, напр., такъ: „женщина пусть не разглагольствуетъ, ибо это отвратительно“, или: „немногословіе—украшеніе женщины“; „быть въ подчиненіи у женщины оскорбительно и крайняя степень отсутствія мужества“.

болѣе способенъ къ властвованію, нежели женщина, хотя и встрѣчаются исключенія: мужской полъ—сильнѣе, женскій—слабѣе, первый господствуетъ, второй подчиняется. Но Аристотель вовсе не держится того воззрѣнія, что жена—раба мужа: господство мужа надъ женою онъ сравниваетъ съ господствомъ правительствующаго лица надъ свободнымъ человѣкомъ въ республикѣ. Затѣмъ, Аристотель и для женщины требовалъ образованія и воспитанія: женщины составляютъ половину свободнаго населенія и, по его мнѣнію, плохо то государство, въ которомъ на женщинъ не обращено надлежащаго вниманія. Онъ требовалъ обученія обоихъ половъ музыкѣ и гимнастикѣ. Что касается брака, то высшей его формой Аристотель признавалъ моногамію и видѣлъ въ бракѣ духовное общеніе, гдѣ существуетъ дружба, гдѣ господствуетъ принципъ раздѣленія труда, при чемъ каждый привноситъ свое для общей цѣли и пользы и каждый имѣетъ свою особую добродѣтель, взаимно дополняя и радуя другъ друга [1]).

Необходимо коснуться еще воззрѣній Ксенофонта, которыя близки къ обычнымъ, господствовавшимъ въ ту пору въ аѳинскомъ обществѣ взглядамъ [2]). Ксенофонтъ не стоитъ за расширеніе сферы дѣятельности женщины, за полное равенство обоихъ половъ. Но, признавая различіе въ ихъ природѣ и въ кругѣ дѣятельности, Ксенофонтъ допускаетъ равноправность женщины до извѣстной степени, въ извѣстной сферѣ. Богъ, говоритъ онъ устами Исхомаха въ своемъ діалогѣ «О хозяйствѣ», предназначилъ женскій полъ для домашнихъ занятій, а мужской—для внѣ-домашнихъ. Богъ надѣлилъ женщину большею любовью къ дѣтямъ и большею боязливостью, а мужчинѣ далъ больше мужества; но память и заботливость далъ обоимъ одинаково, такъ что трудно рѣшить, кто въ этомъ

---

[1]) Кромѣ „Политики“, см. и „Никомахову этику“.

[2]) Свой идеалъ Ксенофонтъ выражаетъ въ діалогѣ „О хозяйствѣ“, гдѣ Сократъ приводитъ слова Исхомаха, устами котораго говоритъ, очевидно, самъ Ксенофонтъ.

отношеніи стоитъ выше, мужчина или женщина, равно какъ далъ одинаковую способность къ умѣренности и самообладанію. Каждый долженъ исполнять свою обязанность какъ можно лучше. Значеніе жены для благосостоянія дома такое же, какъ и значеніе мужа. Исхомахъ считаетъ все, чѣмъ онъ владѣетъ, ихъ общимъ достояніемъ; но въ своей сферѣ, въ домѣ, жена должна быть блюстительницею всего; она здѣсь какъ царица: достойныхъ хвалитъ и награждаетъ, недостойныхъ бранитъ и порицаетъ. На ней лежитъ забота и уходъ за больными слугами, челядью... Цѣль брака Ксенофонтъ видитъ не только въ продолженіи рода: вслѣдствіе различія въ природной организаціи мужъ и жена какъ бы нуждаются другъ въ другѣ, какъ бы взаимно дополняютъ другъ друга. Жена—лучшая помощница въ домѣ и въ воспитаніи дѣтей; она—опора въ старости, лучшій другъ для мужа и дѣтей и т. д. А въ извѣстномъ эпизодѣ о Панѳеѣ и Абрадатѣ въ «Киропедіи» Ксенофонтъ изображаетъ трогательную любовь между супругами: Абрадатъ молитъ боговъ сдѣлать его *достойнымъ жены*. Панѳея не можетъ пережить смерти любимаго ею мужа.

Итакъ, Ксенофонтъ, повторяемъ, не сторонникъ широкой женской эмансипаціи; но онъ высказываетъ гуманный взглядъ на женщину и ставитъ ее высоко какъ жену, мать и хозяйку въ домѣ. Его Исхомахъ призываетъ жену къ дружной, совмѣстной работѣ въ сферѣ домашняго хозяйства и семьи [1]). Если жена оказывается иногда плохою помощницею, то Ксенофонтъ возлагаетъ вину на самого мужа: онъ долженъ осторожно, гуманно и съ любовью обучать и воспитывать то большею частью юное, необразованное, робкое и безпомощное существо, которое онъ беретъ къ себѣ въ домъ въ качествѣ жены [2]).

---

1) Ср. ст. *М. И. Мандеса* о Сафо въ „Женскомъ Альманахѣ“, изд. подъ ред. *А. Н. Деревицкаго* (Одесса, 1902).

2) *Ivo Bruns*, стр. 31.

Такимъ образомъ, Ксенофонтъ заговорилъ уже объ *обязанностяхъ* и нравственной отвѣтственности мужа.

Таковы, въ общихъ чертахъ. наиболѣе выдающіяся воззрѣнія, которыя мы встрѣчаемъ въ греческой литературѣ по женскому вопросу. Обратимся теперь къ исторической дѣйствительности, къ тѣмъ, правда, скуднымъ фактамъ, которые подтверждаютъ существованіе въ греческой женщинѣ стремленія къ болѣе широкому умственному развитію и къ эмансипаціи.

VI.

Еврипидъ былъ правъ: музы, дѣйствительно, не чужды были греческимъ женщинамъ [1]). Послѣднія издавна подвизались на поприщѣ литературы. Намъ извѣстно немало именъ греческихъ поэтессъ.

Среди нихъ первое мѣсто принадлежитъ, конечно, знаменитой *Сафо*, уроженкѣ Лесбоса, жившей въ началѣ VI в. до Р. Х.[2]), которую одинъ древній писатель называетъ «чудомъ». Ею впослѣдствіи гордились ея соотечественники; ея изображенія были на монетахъ Лесбоса, ея статуи ставились въ городахъ. О Сафо ходили различные разсказы и образъ ея представляется намъ не совсѣмъ яснымъ, окутаннымъ легендой. Говорили, напр., что она вслѣдствіе несчастной любви бросилась со скалы въ море... Домъ Сафо назывался домомъ музъ. Вокругъ нея группировались подруги и ученицы: у нея была какъ бы *школа поэзіи*. И другія женщины на островѣ Лесбосѣ имѣли подобныя же школы (напр. Горго и Андромеда). Изъ греческихъ поэтессъ можно назвать еще Эринну (по однимъ извѣстіямъ, она была современницею Сафо, по другимъ—жила въ IV в. или даже въ началѣ александрійскаго періода), Дамофилу, Носисъ, Аниту и въ осо-

---

[1]) См. цитированныя раньше, на стр. 16, слова хора изъ „Медеи“.

[2]) О ней ст. *М. И. Мандеса* въ „Женскомъ Альманахѣ“. Одесса, 1902.

бенности Миртисъ и Коринну, современницъ и соперницъ Пиндара.

Греческіе женщины принимали дѣятельное участіе въ религіозныхъ процессіяхъ и празднествахъ, при чемъ иногда проявляли замѣчательную энергію, силу экстаза, особенно въ качествѣ вакханокъ; вообще онѣ играли видную роль какъ жрицы и прорицательницы.

Нѣкоторыя женщины извѣстны были какъ правительницы, выдававшіяся энергіей или умомъ. Феретима въ Киренѣ, безпощадная въ своей мести, но энергичная и съ сильнымъ характеромъ, по свидѣтельству Геродота, правила областью въ отсутствіе сына, засѣдала въ совѣтѣ и пользовалась почетомъ. Артемисія Галикарнасская по смерти мужа взяла правленіе въ свои руки, участвовала въ походѣ Ксеркса противъ европейскихъ грековъ и давала царю благоразумные совѣты. Геродотъ изумляется тому, что она, будучи женщиной, отправилась въ походъ, побуждаемая единственно своею смѣлостью и мужественнымъ характеромъ; корабли ея, послѣ сидонскихъ, были лучшими во всемъ флотѣ, и если вѣрить отцу исторіи, то, послѣдуй Ксерксъ ея совѣту, онъ избѣгнулъ бы катастрофы. При Саламинѣ Артемисія сражалась во главѣ своего флота, при чемъ проявила большое мужество и военную хитрость, такъ что Ксерксъ, говорятъ, сказалъ: «Мужчины стали у меня женщинами, а женщины—мужчинами». Другая Артемисія, вдова Мавсола (въ половинѣ IV в. до Р. Х.), наслѣдовала мужу въ Каріи, справилась съ родосцами, которые пытались отложиться и захватили было Галикарнассъ, и вновь завоевала ихъ островъ. Эта Артемисія построила знаменитый мавзолей. По преданію, она умерла съ тоски по своемъ мужѣ.

Въ Спартѣ женщины имѣли большое вліяніе: онѣ, можно сказать, задавали тонъ [1]), и Аристотель говоритъ объ ихъ господствѣ тамъ, о «гинайкократіи». Воспитаніе онѣ

---

[1]) *Белохъ*, „Исторія Греціи“, I, 374.

получали подобное тому, какое получали и мужчины; двѣ пятыхъ поземельной собственности находилось въ ихъ рукахъ; онѣ, говоря вообще, отличались большимъ патріотизмомъ и принимали близко къ сердцу интересы государства. Это наблюдается не только въ періодъ могущества Спарты, но и впослѣдствіи, въ эпоху упадка, напр., въ III в. Цари-реформаторы, Агисъ III и Клеоменъ III, находили себѣ поддержку въ однѣхъ женщинахъ и встрѣчали противодѣйствіе со стороны другихъ. Агисъ III выросъ на рукахъ своей матери Агесистрады и бабки Архидаміи. Обѣ онѣ, самыя богатыя женщины тогдашней Спарты, явились его помощницами при осуществленіи смѣлыхъ плановъ. Обѣ онѣ и погибли вмѣстѣ съ нимъ. Послѣдними словами Агесистрады были: «Только будь это во благо Спартѣ» [1]). Вдова Агиса Агіатида, одна изъ богатѣйшихъ наслѣдницъ, была почти насильно выдана замужъ за Клеомена. Клеоменъ былъ сынъ врага Агиса, Леонида; но красота, кроткій нравъ и тихая грусть Агіатиды возбудили въ немъ сердечное участіе и любовь, а ея разсказы и воспоминанія о ея первомъ мужѣ, о его стремленіяхъ и планахъ, глубоко запали въ душу Клеомена и подвинули его выступить продолжателемъ дѣла Агиса.

VII.

Важнымъ моментомъ въ исторіи женскаго движенія въ Греціи является эпоха *Просвѣщенія*, т.-е. вторая половина V в. до Р. Х., когда, какъ было упомянуто, обнаружилось стремленіе къ освобожденію отъ какихъ бы то ни было оковъ и стѣсненій. Эмансипація женщинъ должна была выразиться главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, въ отрѣшеніи отъ условной морали, въ нарушеніи установившихся правилъ приличія

[1]) *В. Г. Васильевскій*, „Политич. реформа и соціальн. движ. въ древн. Греціи въ періодѣ ея упадка“. Спб., 1869 г. (изъ Ж. М. Н. Пр.), стр. 151.

и нравственности, и, во-вторыхъ, въ стремленіи къ высшему образованію. Такое стремленіе прежде всего обнаруживается въ Малой Азіи, въ Іоніи, гдѣ до тѣхъ поръ и политическая, и умственная жизнь шла быстрѣе.

Яркой, наиболѣе типичной представительницей эпохи «Просвѣщенія» и вѣка Перикла въ этомъ отношеніи является талантливая и высокообразованная *Аспазія*, дочь Аксіоха, родомъ изъ Милета, и въ приведенныхъ выше словахъ хора изъ Еврипидовой «Медеи» видятъ намекъ именно на нее.

Аспазія появилась въ Аѳинахъ, новомъ центрѣ умственной жизни Греціи, «школѣ Эллады», около середины V в. и здѣсь съ нею сблизился Периклъ. Онъ развелся съ первою своею женою, съ которою у него, повидимому, было мало общаго и которая послѣ того вступила въ новый бракъ, а Аспазія поселилась въ его домѣ. Естественное право любви такимъ образомъ взяло верхъ надъ правомъ брака [1]). Женился ли Периклъ на Аспазіи—вопросъ спорный; но есть основаніе думать, что Аспазія не была гетерой, какъ прежде обыкновенно полагали и какъ еще теперь утверждаетъ Виламовицъ-Меллендорфъ, отвергающій разсказы объ ея «салонѣ»,—что она была женою Перикла [2]); но ихъ бракъ съ точки зрѣнія тогдашняго аттическаго права не могъ считаться законнымъ вполнѣ, ибо Аспазія не была аѳинянка; по проведенному же передъ тѣмъ самимъ Перикломъ закону дѣти отъ подобныхъ браковъ не пользовались правами гражданства. Какъ бы то ни было, Перикла и Аспазію, связывала искренняя, серьезная и нѣжная любовь [3]). Любовь эта основывалась на сходствѣ ихъ духовныхъ стремленій, на общ-

---

1) *Белохъ*, I, 376.

2) Кромѣ монографіи *Ad. Schmidt*, „Das Perikl. Zeitalter“, 1877—1879, см. ст. *Judeich*'а объ Аспазіи въ Энциклоп. словарѣ *Pauly-Wissowa* и доводы *Ed. Meyer*'а въ его „Forschungen z. alten Gesch.“ (т. 2) и „Gesch. des Alterthums“ (т. IV).

3) См. мою книгу „Периклъ“ (X. 1889), стр. 215—216.

ности интересовъ и одинаковости уровня умственнаго развитія. Аспазія была истинной подругой жизни Перикла, его совѣтникомъ, вдохновлявшимъ и поддерживавшимъ его въ трудной дѣятельности. Тутъ казался осуществленнымъ тотъ идеалъ брака и супружескаго счастья, о которомъ говоритъ Д. С. Милль въ своемъ трактатѣ «Подчиненность женщины» (русск. пер., стр. 243—244).

Все, что было выдающагося въ тогдашнемъ аѳинскомъ обществѣ, такъ или иначе принадлежало къ кружку Перикла. Въ его домѣ сходились и философы—Анаксагоръ, Зенонъ, Протагоръ, молодой Сократъ, и историки, какъ, можетъ быть, Геродотъ, и поэты, напр., Софоклъ, и художники, какъ Фидій или архитекторъ-философъ Гипподамъ. Не одни мужчины бывали здѣсь: нѣкоторые, если вѣрить свидѣтельству древнихъ, приходили въ домъ Перикла со своими женами. Душою же этого кружка—или, какъ бы мы теперь выразились, *салона*,—была Аспазія: богато одаренная, сіявшая красотою, съ глубокимъ и высоко развитымъ умомъ, обладавшая даромъ краснорѣчія, она здѣсь первенствовала во всѣхъ отношеніяхъ. Тутъ, при ея дѣятельномъ участіи и даже, быть можетъ, руководствѣ, велись разговоры на самыя разнообразныя темы, волновавшія умы и касавшіяся политики, философіи, брака и семейнаго счастья, образованія и воспитанія. Какіе иногда дебатировались здѣсь вопросы, на это нѣкоторымъ указаніемъ служитъ обвиненіе противъ Аспазіи въ безбожіи и нечестіи, поднятое Гермиппомъ.

Если вѣрить древнимъ, Аспазія вдохнула новую жизнь въ просвѣтительную философію того времени; она давала толчокъ къ новымъ идеямъ. Ее называли наставницею Сократа и Перикла. Ей приписывали большую долю вліянія на философское развитіе перваго. Сократовскій методъ, какъ говорили, есть методъ Аспазіи, и у одного древняго писателя [1]) приводится разговоръ (правда,

---

[1]) У Цицерона со словъ Эсхина.

мнимый) [1] Аспазіи съ Ксенофонтомъ и его женою именно по такому методу на тему о бракѣ и образованіи жены. Въ Ксенофонтовомъ діалогѣ «О хозяйствѣ», не разъ уже мною цитированномъ, Сократъ, на вопросъ своего собесѣдника, какъ воспитать хорошую жену, рекомендуетъ ему обратиться къ Аспазіи, «которая все это гораздо лучше объяснитъ». Въ «Менексенѣ», діалогѣ, принадлежащемъ или, по крайней мѣрѣ, приписываемомъ Платону, Сократъ воспроизводитъ рѣчь, произнесенную будто бы Аспазіей. Выслушавъ, Менексенъ говоритъ, что «Аспазію можно назвать очень счастливою, если она, будучи женщиной, въ состояніи сочинять такія рѣчи», на что Сократъ отвѣчаетъ: «Если не вѣришь, то слѣдуй за мною и услышишь, какъ она говоритъ». «Я часто встрѣчался съ Аспазіей,—замѣчаетъ Менексенъ,—и знаю, какова она». По словамъ Сократа, у него была не плохая учительница въ риторикѣ, а такая, которая сдѣлала хорошими ораторами многихъ другихъ и даже Перикла,—Аспазія; послѣ этого неудивительно быть сильнымъ въ словѣ. Упоминается о «прекрасныхъ рѣчахъ» Аспазіи *политическаго* содержанія. Аспазіи приписывали также большое вліяніе на Перикла. Говорили, будто она составила ту знаменитую надгробную рѣчь, которую произнесъ Периклъ надъ павшими воинами, воспользовавшись ея отрывками, и хотя все это говорится въ «Менексенѣ» скорѣе въ видѣ іроніи или шутки, тѣмъ не менѣе такія подробности характерны: онѣ показываютъ, какъ въ древности смотрѣли на Аспазію, ея краснорѣчіе и силу ея вліянія. Ея вліяніе усматривали и въ политическихъ событіяхъ того времени, въ такихъ фактахъ, какъ война съ Самосомъ или Пелопоннесская война. Не даромъ комики называли ее Омфалой, Деянирой, Герой Перикла.

Аспазія была лишь наиболѣе яркимъ, но не единичнымъ явленіемъ. Въ Платоновомъ «Пирѣ» передается

[1] Такъ какъ Ксенофонтъ не могъ въ то время быть уже женатымъ.

бесѣда Сократа съ мантинейскою жрицею Діотимою объ Эросѣ, при чемъ Сократъ называетъ эту Діотиму «мудрою» и какъ бы ея авторитетомъ прикрываетъ свое ученіе объ идеальной, одухотворенной любви.

Женская эмансипація, отрѣшенная отъ обычной нравственности, нашла себѣ крайнее выраженіе въ *гетеризмѣ*. Къ гетерамъ многіе причисляютъ и Аспазію, но это, какъ мы видѣли, едва ли вѣрно. Зато несомнѣнно гетерами были такія своего рода знаменитости, какъ *Лаиса*, *Фрина*, *Пиѳіоника* (всѣ въ IV в.). Лаиса — одно время царица аѳинскаго общества — впослѣдствіи впала въ нищету и была осмѣяна Эпикратомъ въ одной изъ его комедій. Фрина, современница Филиппа и Александра Македонскаго, вдохновляла Праксителя, когда онъ создавалъ свою Аѳродиту Книдскую. Извѣстенъ процессъ Фрины, подвергшейся обвиненію во введеніи новыхъ культовъ и въ кощунствѣ, — процессъ, въ которомъ ея защитникомъ выступилъ знаменитый ораторъ Гиперидъ. Ея статуя, работы Праксителя, была поставлена въ Дельфахъ между статуями царей Филиппа и Архидама. Пиѳіоника—возлюбленная Гарпала, послѣдовала за нимъ въ Вавилонъ и пользовалась тамъ царскимъ почетомъ. Ей воздвигнутъ былъ великолѣпный памятникъ на священной дорогѣ, ведшей изъ Элевсина въ Аѳины [1]).

Все это показываетъ, какую роль играли гетеры, эти «жрицы свободной любви», въ тогдашнемъ обществѣ и какимъ поклоненіемъ окружены онѣ были, и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ женскую эмансипацію въ ту эпоху.

Но для насъ интереснѣе и важнѣе проявленіе женской эмансипаціи въ другой формѣ, въ иной сферѣ—въ области науки и философіи.

VIII.

Стремленіе женщинъ къ высшему образованію оказывалось въ Греціи чрезвычайно жизненнымъ. Начиная съ

[1]) *Белохъ*, II, 354.

первыхъ шаговъ греческой философской мысли въ VI в. и до паденія античной культуры передъ нами проходитъ рядъ женщинъ, съ увлеченіемъ занимавшихся наукой и философіей [1]).

У Пиѳагора была слушательница Ѳеано. на которой онъ потомъ женился; ей приписываютъ нѣкоторыя сочиненія и есть извѣстіе, что особенно замѣчательными познаніями она обладала въ медицинѣ. Дочери Пиѳагора изучали философію подъ руководствомъ отца, и одной изъ нихъ онъ передалъ свои сочиненія на храненіе. Вообще Пиѳагорейская философія была довольно распространена въ средѣ образованныхъ греческихъ женщинъ; извѣстно до 17-ти болѣе или менѣе выдыхающихся послѣдовательницъ этой философіи.

Были слушательницы и у Платона. Извѣстно, что одна изъ нихъ носила мужское платье. Дочь Аристиппа, основателя Киренской школы, усвоила философію своего отца и въ свою очередь сдѣлалась наставницею своего сына, Аристиппа Младшаго, который поэтому и получилъ прозваніе Метродидакта, т.-е. выученнаго матерью. Встрѣчаются женщины и среди послѣдователей Эпикура, напр., Ѳемисто и ея дочь Леонтіонъ, которая потомъ вышла замужъ за любимаго ученика Эпикура Метродора.

У Метрокла, ученика Ѳеофраста, была сестра Гиппархія. Говорятъ, что она своей діалектикой приводила въ замѣшательство всѣхъ своихъ собесѣдниковъ. Вмѣстѣ съ своимъ братомъ она переселилась въ Аѳины и здѣсь такъ увлеклась ученіемъ циника Кратеса, что сдѣлалась его женою,—фактъ любопытный между прочимъ въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ, что любовь между мужчиной и женщиной не была чужда греческому міру и что противоположное утвержденіе (напр., автора одного изъ новѣйшихъ сочиненій по женскому вопросу, Лилли

---

[1]) О нихъ на русскомъ языкѣ см. между прочимъ—*И. В. Цвѣтаевъ*, „Изъ жизни высшихъ школъ Римской имперіи“. М. 1902, стр. 131 сл.

Браунъ) невѣрно. Въ особенности это нужно сказать о періодѣ эллинизма: недаромъ и тогдашніе историки, подобные Филарху, отводили въ своемъ изложеніи такое мѣсто женщинамъ и въ качествѣ вліятельнаго историческаго фактора выставляли любовь. Въ данномъ случаѣ необходимо еще принять во вниманіе, что Гиппархія была изъ знатной семьи, что ея руки добивались многіе, и вспомнить, какую нищенскую жизнь, лишенную всякихъ удобствъ, вели тогдашніе циники. Гиппархія раздѣляла эту жизнь со своимъ избранникомъ и мужественно переносила всѣ невзгоды [1]).

Вдова Мавсола Артемисія, о которой уже было упомянуто раньше по поводу ея политической дѣятельности, высоко цѣнила литературу. Между прочимъ она устроила своего рода конкурсъ, назначивъ премію за лучшую похвальную рѣчь въ честь покойнаго мужа своего. Есть извѣстіе, что сама она занималась медицинской наукой.

Вообще медициной уже въ древности интересовались многія женщины. Большую извѣстность на этомъ поприщѣ пріобрѣла Агнодика (по однимъ извѣстіямъ—за 300 лѣтъ, по другимъ — въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х.), молодая дѣвушка изъ Аѳинъ. Она первая изъ женщинъ изучила медицину систематически и начала практиковать какъ женщина-врачъ. Такъ какъ существовалъ законъ, запрещавшій женщинамъ (наравнѣ съ рабами) заниматься медициной, то Агнодика переодѣлась мужчиной и поступила въ медицинскую школу. Вскорѣ она пріобрѣла большую извѣстность и практику среди женщинъ: своимъ паціенткамъ она открывала свой полъ, и тѣ, понятно, относились къ ней безъ всякаго стѣсненія, съ полнымъ довѣріемъ и охотно лѣчились у нея. Это возбудило зависть со стороны врачей, и они обвинили Агнодику передъ ареопагомъ въ томъ, что она подъ видомъ лѣченія будто бы соблазняетъ женщинъ. Тогда Агнодика вынуждена была открыть

[1]) *Белохъ*, II, 352.

свою тайну и, благодаря ходатайству знатныхъ женщинъ, была оправдана, а прежній законъ былъ отмѣненъ [1]). Мать св. Прокопія, Ѳеодосія (III в. по Р. Х.), занималась медициною, въ особенности хирургіею, а св. Никерата излѣчила Іоанна Златоуста отъ тяжкой болѣзни [2]).

Но возвратимся къ женщинамъ-философамъ.

Четвертый и пятый вѣкъ нашей эры выставилъ цѣлый рядъ ихъ. Я не буду перечислять всѣхъ ихъ и назову лишь нѣкоторыхъ, наиболѣе замѣчательныхъ [3]).

Такова, напр., Сосипатра (IV в.), о которой ходило много легендарныхъ разсказовъ. Ей приписывали даръ провидѣнія и прорицанія. Родилась она близъ Эфеса и еще въ молодости обнаруживала особенную любовь къ поэзіи и философіи. Она вышла замужъ по любви — за философа Евстаѳія, но вскорѣ лишилась мужа. И вотъ молодая вдова поселяется близъ Пергама и въ своемъ домѣ открываетъ философскую школу. Ея современникомъ и какъ бы соперникомъ былъ философъ Эдесій, о которомъ Евнапій говоритъ, что слава его достигала звѣздъ. Но Сосипатра превосходила его бо́льшимъ пыломъ и энтузіазмомъ. Ей пришлось выдержать тяжелую внутреннюю борьбу—между страстною любовью къ одному изъ своихъ слушателей и преданностью философіи. Въ концѣ концовъ послѣдняя взяла верхъ: Сосипатра осталась вѣрна философіи. Любовь къ ней она передала и одному изъ своихъ сыновей.

Дочь неоплатоника Плутарха, Асклепигенея (V в.), посвящена была въ тайны элевсинскихъ мистерій и явилась въ этомъ отношеніи наставницею извѣстнаго философа Прокла.

---

[1]) *Pauly-Wissowa*, „Real-Encyclopädie d. classisch. Altertums-Wissenschaft", s. v.

[2]) См. „Les femmes médec. d'autrefois" *Бодуэна* и на основаніи этой книги—ст. *В. Ѳ. Пуцыковича* въ „Истор. Вѣстн.", 1902, мартъ („Изъ историческаго прошлаго женскаго вопроса").

[3]) См. *И. В. Цвѣтаева*, l. c.

Эдесія (V в.), по смерти своего мужа, философа Гермія, переселяется изъ Александріи въ Аѳины для завершенія образованія своихъ сыновей и вмѣстѣ съ ними, несмотря на немолодые уже годы свои, посѣщаетъ лекціи Прокла. Ея сыновья впослѣдствіи заняли довольно видное мѣсто среди философовъ того времени.

Многія женщины являлись достойными помощницами Дамаскія въ послѣднюю пору существованія древняго университета въ Аѳинахъ.

Но изъ всѣхъ замѣчательныхъ представительницъ науки и философіи на рубежѣ древняго и средневѣковаго міра особенно выдается Ипатія, въ концѣ IV и началѣ V в. составлявшая славу Александріи. Она останавливаетъ на себѣ вниманіе своею ученостью, своими высокими нравственными качествами, самою своею трагическою кончиною. Недаромъ ея жизнь послужила темой для историческаго романа.

Ипатія [1]) родилась около 370 г. по Р. Х. и была дочерью извѣстнаго въ то время математика Ѳеона. Она получила прекрасное научное и философское образованіе. По свидѣтельству современниковъ, особенно обширны были ея познанія въ математикѣ, механикѣ и астрономіи. Въ числѣ ея трудовъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, до насъ не дошло даже отрывковъ, приводятъ комментарій къ сочиненіямъ знаменитаго математика Діофанта, астрономическій канонъ и комментарій къ трактату Аполлонія о коническихъ сѣченіяхъ. Говорили, что въ математикѣ Ипатія превзошла своего отца, а въ философіи — всѣхъ своихъ современниковъ и даже, какъ выражается одинъ историкъ, всѣхъ бывшихъ задолго до нея. По своему философскому направленію она принадлежала къ господствовавшей въ то время школѣ неоплатониковъ и въ лицѣ ея эта школа достигла въ Александріи новаго расцвѣта

1) *Hoche*, „Hypatie, die Tochter Theons“ (Philologus, XV, 1860); *А. А. Остроумовъ*, „Синезій, епископъ Птолемаидскій“, М. 1879, стр. 37—42; *Zeller*, „Gesch. d. griech. Philosophie“, III, 2; *И. В. Цвѣтаевъ*, l. c.

и блеска. Ипатія, однако, толковала не только Платона, но и Аристотеля и другихъ философовъ. Она, такъ сказать, формально занимала каѳедру философіи въ Александріи.

Ея дѣвственная красота, женственная скромность, ея ученость, ея умъ и дарованія дѣйствовали обаятельно на учениковъ и современниковъ, вызывая въ нихъ чувство, близкое къ благоговѣнію. Въ одномъ греческомъ стихотвореніи, обращенномъ къ Ипатіи, авторъ со свойственною тому времени напыщенностью говоритъ: «Когда я смотрю на тебя и слышу твои слова, я поклоняюсь тебѣ, созерцая жилище звѣздное дѣвы; ибо на небо восходятъ твои дѣла, блаженная Ипатія, рѣчей краса, незапятнанная звѣзда мудраго ученія». Какимъ уваженіемъ и, можно сказать, благоговѣніемъ пользовалась Ипатія со стороны своихъ слушателей, лучше всего показываетъ отношеніе къ ней Синезія, ея ученика, выдающагося математика и астронома. Ипатія была язычница; Синезій перешелъ въ христіанство и сдѣлался епископомъ въ Птолемаидѣ, въ Киренаикѣ, и тѣмъ не менѣе онъ до конца остается ея восторженнымъ почитателемъ. Въ письмахъ своихъ онъ называетъ ее «истиннымъ руководителемъ священныхъ таинствъ философіи», «своею матерью, своею сестрою, своею учительницею, которой онъ обязанъ столькими благодѣніями и которая заслужила съ его стороны всѣ почетные титулы». Синезій, христіанинъ и епископъ, посылаетъ Ипатіи, язычницѣ, на просмотръ даже свои богословскія сочиненія, прежде чѣмъ ихъ обнародовать [1]). Еще впослѣдствіи, спустя много вѣковъ, если хотѣли отмѣтить умъ или ученость какой-либо женщины, то говорили, что это—«вторая Ипатія».

Слава Ипатіи распространилась далеко за предѣлы Александріи; со всѣхъ концовъ образованнаго міра стремились къ ней слушатели: всякій жаждалъ послушать знаменитаго философа-женщину. Ея домъ былъ умствен-

---

1) *Hoche*, стр. 450.

нымъ центромъ Александріи. У входа къ нему можно было видѣть толпу пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ. Бывать у Ипатіи, слушать ея лекціи стало модой, признакомъ хорошаго тона.

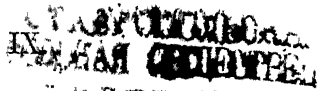
И Александрія гордилась своею Ипатіею. Послѣдняя имѣла вліяніе на правительственныхъ лицъ и на дѣла общественныя; ея авторитетъ признавался и здѣсь, и нерѣдко Ипатія, облеченная въ философскій плащъ, наравнѣ съ мужчинами засѣдала въ городскомъ совѣтѣ. Но въ глазахъ невѣжественной, фанатически настроенной черни и низшаго духовенства Ипатія была ненавистной язычницей, главой языческой партіи, врагомъ александрійскаго епископа Кирилла. Тогда вообще были нерѣдки столкновенія между язычниками и христіанами, между представителями власти императорской и духовной, и вотъ во время одного изъ такихъ возмущеній, въ 415 г., Ипатія сдѣлалась жертвой народной ярости: въ тотъ моментъ, когда она возвращалась домой, на нее напали, стащили съ носилокъ, раздѣли донага и избили черепками; тѣло ея разорвали на куски и, по одному разсказу, разбросали ихъ по городу, по другому—сожгли.

Такою жестокою смертью погибла Ипатія, слава Александріи, эта женщина-профессоръ, обаятельный образъ которой долго потомъ еще жилъ въ воспоминаніяхъ потомства.

Наконецъ, вспомнимъ еще объ одной женщинѣ, широко образованной, судьба которой въ высшей степени была превратна. Это — Аѳинаида, дочь софиста Леонтія. Въ молодости она занималась поэзіей, философіей, изучала ораторовъ, въ особенности Лисія и Демосѳена, и прекрасно усвоила латинскій языкъ. По смерти отца, обиженная братьями при дѣлежѣ наслѣдства, она направилась въ Константинополь искать себѣ защиты при дворѣ. Здѣсь на нее обратила вниманіе Пульхерія, могущественная сестра слабовольнаго императора Ѳеодосія II: она задумала женить на ней своего брата. Такъ, дочь

софиста стала императрицею подъ именемъ Евдокіи. Но счастье ея было недолговѣчно. Впослѣдствіи она заподозрѣна была въ невѣрности и удалена. Она поселилась въ Іерусалимѣ, гдѣ и провела остатокъ жизни своей, всецѣло посвятивъ себя литературѣ и дѣламъ христіанскаго милосердія.

Заканчивая этотъ краткій перечень наиболѣе выдающихся ученыхъ и литературно-образованныхъ женщинъ, слѣдуетъ отмѣтить, что многія изъ нихъ, какъ это видно изъ предыдущаго, были прекрасными женами и матерями...



Итакъ, въ чемъ же выразилось женское движеніе въ Греціи? Оно выразилось, во-первыхъ, въ отрѣшеніи отъ обычной морали, въ провозглашеніи права свободной любви; крайнимъ выраженіемъ этого явился гетеризмъ; во-вторыхъ, оно выразилось—по крайней мѣрѣ отчасти—въ стремленіи къ общественной и политической дѣятельности; въ-третьихъ,—въ стремленіи къ высшему умственному развитію и образованію; наконецъ,—въ перемѣнѣ положенія женщины въ домѣ, въ семьѣ, какъ жены и матери. Въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ уже древность рѣшила вопросъ въ благопріятномъ для женщины смыслѣ: уже тогда, въ особенности въ эллинистическую эпоху, жена становится подругой и сотрудницей мужа; женщина получаетъ доступъ къ высшему образованію, къ занятіямъ наукой, къ преподаванію даже, такъ сказать, съ профессорской каѳедры. На этомъ поприщѣ къ концу древняго міра она достигаетъ почти полнаго равноправія.

Я не буду подчеркивать аналогіи, которую можно замѣтить между развитіемъ женскаго вопроса въ древности и въ новое время: она очевидна; не буду говорить и о различіяхъ, вполнѣ естественныхъ, ибо между историческими явленіями древняго и новаго міра, ходомъ ихъ развитія, какъ мы видѣли, можетъ быть *аналогія*, нѣко-

торый *параллелизмъ*, но не можетъ быть полнаго *тождества*. Можно, для примѣра, указать хотя бы на такой дѣйствующій въ средніе и новые вѣка факторъ, какъ христіанство, провозгласившее еще опредѣленнѣе, нежели древняя философія и литература въ ихъ лучшихъ представителяхъ, равенство между мужчиной и женщиной, какъ нравственными существами, и способствовавшее поднятію уваженія къ женщинѣ; можно указать также на гораздо болѣе сложныя отношенія нашего времени, когда и самые вопросы, въ томъ числѣ и женскій, ставятся шире; когда сильнѣе обнаруживается дѣйствіе соціально-экономическихъ мотивовъ, сильнѣе сказывается борьба за существованіе...

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ